

ОРГАНИЗМ ПОД НАЗВАНИЕМ ГРУША

Репортаж с 30-го фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина

Главный редактор "ПИ" А. Клейн трубит "большой сбор" во всю мощь своих главноредакторских легких. Фотохудожник: Лотос



Плавающая сцена - Гитара. Главная площадка грушинского фестиваля. Фотохудожник: Лотос

Вот она, Самара - судовладельцы и лодочники, зажиточные купцы и нищие татарчата, - все здесь! Грузим номера газеты для фестивального народа. В путь! Посадка на катер, который доставит нас на Грушинскую поляну.

Простор Волги по обе руки. Рыба бьет хвостом по поверхности, а на борту уже вяленые волжские лещи просвечивают сквозь янтарным рыбьим жирком. Три часа

по Волге вверх по течению.

Официально Грушинский фестиваль начнется завтра, но по длиннющей лестнице с Горы уже тащится непрерывный живой червь из людей с рюкзаками, от приходящих электричек вниз, к палаточному лагерю. Сколько еще прибудет водой и посуху? Сто, двести, триста тысяч музыкантов и слушателей?

Палатка на палатке, костер на костре. Так, наверное, выглядят самые густонаселенные районы Китая. Светлая полупрозрачная пелена кострового дыма временами покрывает все и вся. Зато

комаров нет. День первый заканчиваем ночным походом на Гору - посмотреть, как выглядит сверкающий кострами, прожекторами и звездами ночной лагерь 200-тысячного монголо-татарского ига.

Фестиваль в разгаре. На многочисленных площадках идут концерты. Конечно, "Груша" - это уже не только бардовский фестиваль, это уже мегатусовка музыкантов самых разных, но, хочу заметить, неагрессивных направлений. Да и только ли музыкантов? Здесь - все. Каждый стоит своим лагерем.

Здесь и вездесущие кришнаиты с выбритыми пучком головами, красочными шатрами и походной вегетарианской кухней, и сааджа-йоги с полянкой, тентом и портретом своей гуру. И эзотерики с крепко сколоченными лавками под навесом, микрофоном, листовками и обещаниями

ями очистить организм, и духовно-продвинутые искатели, и журналисты всех местных газет, и бойскауты с тренажерными сооружениями из аккуратно отесанных бревен, и нефтяная компания с флагом и вымпелом, и компания мобильной связи с большим надувным телефоном на фасаде, и Секретная база военных морских свинок, и Центр детского ху

дожественного творчества с постоянно лепящими что-то из глины детьми - много всех и разных. Но большинство, конечно, просто отдыхающие, просто приехавшие, просто болеющие, просто слушающие и тусующиеся. И в каждом лагере свой человек с гитарой. За 30 лет небольшой слет бардов-добровольцев превратился в значительное событие музыкальной и духовной жизни страны.

О не агрессивности. Совершенно особая атмосфера фестиваля. Стираются рамки и границы, люди перенимают качества друг друга, превращаясь в единый дышащий, спящий, жующий, поющий, танцующий - живой организм под названием "Груша". Пьянящее веселье захватывало всех, а пьяные и очень пьяные люди, которых, ясное дело, здесь было достаточно, не проявляли обычной агрессивности.

Рядом с нами лагерь: большие цвета хаки палатки, ограда, маскировочная сетка, военный грузовик в глубине с антеннами и... индийская музыка гремит из магнитофона. Захожу. Под переносным грибом-караулкой сидит человек в тельнике, камуфляжные штаны заправлены в высокие черные ботинки, на голове - головной убор с кокардой. "Вы кришнаиты?" - спрашиваю. "Нет, мы ОМОН" - смотрит на меня доброжелательно. Отдала нашу газету, взял,

улыбнулся, сказал "спасибо".

По тенистой дороге иду в лагерь кришнаитов, проникаю в него с заднего хода, меня останавливают, пытаются не пустить, отбиваюсь словами и журналистским удостоверением.

"Мы, кришнаиты, любим порядок", - заявляет мне лысый молодой человек в шафрановых одеяниях...

Фестивальные ночи с концертами до утра и очень оживленными дорогами-трассами от одного пункта до другого. У каждого костра - повторю - обязательно своя гитара, а то и две-три. Теряюсь в звоне, песнях, звуках, запахах гречневой каши, цветных реклам мобильных связи и газет, иллюминациях сценических площадок и платных туалетов, узорах путаных тропок и проезжих дорог, машинах, велосипедах, пешеходах, музыкантах, торговцах, палаточных лагерях и лежащих просто-так-на-земле людях. Тяжело жить в фестивальном Китае!

Жаркий солнечный день. Мокну в Волге, иначе не выжить. У меня несколько встреч, запланированных по Интернет. Встретиться и не надеюсь - Китай большой, а Груша, наверно, и того больше. Однако в торговом ряду встречаю Гену, мастера, что делает бубны. Гена изучает традиции племени североамериканских индейцев. Одет - соответственно. Да и на лицо - вылитый индеец! Бубны в индейской традиции с орнаментами - потрясающие инструменты. Гена ударяет в бубен - э-э-э! - я высекаю низкий вибрирующий звук из своего варгана - уу-а-а-а-в! - Сию же минуту поток воды срывается прямо с ясного неба! Так был вызван единственный фестивальный проливной летний дождь!

Играем, пока не промокаем до нитки - и сами, и бубны. На этом дождь заканчивается - без бубнов ему не литься. Вот он, шаманизм на практике.

Сооружают "Гитару" - это сцена в форме гигантской гитары со всеми деталями, плавающая прямо по воде озера. Здесь будет происходить главный концерт фестиваля. Лучшие люди будут сидеть на скамейках, установленных на склоне Горы перед озером, самые лучшие - еще выше, плотно рассыпавшись по всему телу Горы! Я, естественно, во время концерта сидела на са-а-амой верхушке.

В субботу вечером - концерт начинается! Люди живым ковром покрыва-



Грушинская поляна превращает по плотности самые густонаселенные рабочие поселки Китая. Фотохудожник: Лотос